

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД ЧУВСТВОМ

Лит. Россия, 1982, 14 мая

ЗАУРАЛЬЕ, тобольские просторы, старинный русский город Курган «у ворот Сибири». Здесь живет прекрасный писатель Виктор Федорович Потанин. Всего лишь лет тридцать назад Курган был маленький городок, почти весь деревянный, с дощатыми тротуарами вдоль редко где мощеных улиц — сегодня это типичный современный крупный областной центр. А вокруг него, как и всюду, — села, одно из которых, Утатское, — родина писателя. Как везде, город неизбежно оттягивает деревенское население, и все сложнее, теснее деревенско-городские связи, все труднее понять, сколько же их осталось — подлинных селян, и что это такое: сельский житель сегодня, и каков нынче сам горожанин.

Этому миру «меж городом и селом» Виктор Потанин принадлежит биографией, душой и творчеством. Один из самых сложных процессов нашего времени — становление новой психологии человека ввиду совершающихся социально-общественных перемен, отрыв деревенского жителя от земли, от привычек сельской жизни, резкое изменение самого деревенского уклада — вот главные проблемные узлы прозы Виктора Потанина. И хоть не найдем мы в его книгах изображения могучих современных строок или промыслов, прямого отражения проблем, связанных с промышленным строительством, правы критики, называющие Потанина писателем остросовременным.

Более 20 сборников повестей и рассказов вышло у В. Потанина после первого — в 1963 году — «Журавли прилетели». Не было «взрыва» потанинского успеха — неспешной чередой пошли к читателю его раздумчивые, совестливые, исполненные нежности и добра к людям книги: «Подари мне сизаря», «Ожидание моря», «Пристань», «Над зыбкой», «Сельские монологи», «Когда пришли дожди», «Поздний гость»... Они создали писателю прочную репутацию.

С самого начала выхода В. Потанина в литературу критика не обижала его вниманием. В статьях и рецензиях о нем подчеркивалась лирическая сторона его творческого дара. Слово «элегичность» часто звучало при анализе его прозы, а также — «безоблачность» и даже «идилличность». Потанин действительно лиричен. Его проза поэтична, не сет множество примет собственно поэзии. Тут и «лирический герой» — «личность автора», и развернутая символика, и тончайшие эмоциональные пейзажи, через которые писатель умеет так многое выразить в психологии современного человека.

Эмоция много значит и многое определяет у Потанина, в частности в его поэтике, ощутимо восходящей к Бунину, Платонову, чего он и не скрывает. Но, так же как и этих его учителей, его не следует причислять к писателям эмоционального восприятия жизни. И если перед нами тут действительно лирика, то прежде всего философская. По появлению новых произведений, где Потанин, не отходя от себя прежнего, углублял свой творческий поиск, совершенствуя стилистику, становилось все очевиднее, что для него всегда было главным выразить не чувство, но прежде всего — МЫСЛЬ. Проза Потанина есть размышление над чувством.

Писатель никогда не скрывает своего восторга — иначе не скажешь — перед красотой сельского, деревенского человека, труженика земли, кормильца и поилца. Этот восторг выливается в описаниях то очарования деревенских детей («Иван Иванович», «Ленька», «Большой и маленький», «Серебристые самолеты»), то в многочисленных образах стариков и старух, чаще всего робких, застенчивых, но за-

то завидно устойчивых в своих ведущих жизненных понятиях (таких, как Мария Степановна в «Над зыбкой», Анна и Степан Клементьевы в «На чужой стороне»), то в богатейшей галерее потанинских образов замечательных женщин — этих сибирских мадонн, нежных и сильных, высокой душевной организации: начиная с образа матери «лирического героя» и до подлинно героического характера Они в повести «Над зыбкой», наиболее полно выражающего этический идеал писателя.

Сюжетов из жизни современного села у Потанина гораздо больше, чем «городских». Но разговор у него о человеке всегда идет более широкий и многозначительный, нежели простое сопоставление: город — деревня.

«Печь ложил Григорий Ловыгин, веселый, чистоплотный, с молодыми глазами» («Русская печка»). Печь, которую «не стопчешь и трактором». Предчувствует Григорий «праздник, большое веселье, когда все будут хвалить его, удивляться, пить за здоровье, желая бессмертной жизни». И далее авторская речь, открытый вывод: «Может, ради таких мгновений, когда все тебя любят, — и живем мы на свете». Потанину ближе, роднее реалии деревенские, но такая символика, как в этом рассказе — о смысле человеческой жизни, о красоте человека в труде, обращенном к людям, — она для всех людей предназначена и на все времена.

Деревенский бездельник Венка («На чужой стороне») видит лишь праздничную, нарядную сторону городской жизни и никак не может понять, что за внешним блеском, легкостью, красотой — упорный труд, как у акробата Поли, поразившей его воображение, которая, кстати, и пытается втолковать Венке мысль о труде как необходимом условии жизни. А в детстве то деревенский отец Венки учил его: «Работа дураков любит». «И на городском производстве, поди, есть добры люди. Припадал бы к ним, авось и взял бы ума», — настаивает его деревенская тетка Анна. «Добры люди» — это трудовые, совестливые люди, где бы они ни жили, какую бы работу ни делали.

Сельский житель у Потанина совсем не идиллический. Мерзавец Васяка, спиливший яблоню в «Белых яблонях», зверь-пьяница отец Ленки в «Подари мне сизаря», отвратительный Иван в, может быть, лучшем из всех рассказов писателя «Приезд к матери» — все они истинные сельские жители. И сыночек Ивана Гриша, которого в деревне дразнили «буржуем», зверство свое не в городе приобрел — в такой короткий срок трудно стать отъявленным рвачом и глубоко безразличным человеком. Яков Мартюшов из повести «Поздний гость» венчает эту череду деревенских отрицательных типов — хвастун, позер и демагог, о каких в народе издавна говорится: ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. И тот же Венка — не город его, пакостника, испортит и не тем он плох, что не хочет в деревню вернуться: такие нигде не нужны.

В стремительности движения жизни к ее новым формам при сегодняшних социальных сдвигах от человека требуются дополнительные затраты душевных сил, поиски в себе самом энергии для охраны нравственного статуса, стержневых человеческих качеств. Человек должен устоять, выдержать, сохранить эти основы во все усложняющийся наш век — вот идея Потанина. В век технического прогресса, «в машинный век» человеку труднее, сложнее, но он выстоит — вот вера писателя.

Не антитеза город — деревня, а крутая перемешанность укладов и быта, различие скоростей — и человек.

Многое говорит о понимании В. Потаниным жизни, ее повышенных сегодня требований к человеку повесть «Над зыбкой». В автомобильной катастрофе исслечена Она физически, на костылях вон ходит. Но собирается рожать снова, хоть и она, и муж, и все вокруг понимают, как трудно будет ей. Жизнь продолжается, важно, чтобы остались в ней «живы фундаменты» — мужество, достоинство, дающие любовь и совесть, мудрость, нравственная наполненность. «Целые фундаменты, а стены — другое дело», — говорит один из героев рассказа «Живы фундаменты». В новых стенах жизни, деревенской ли, городской, поселится поколение с нерастраченными душами, воспитанное в твердых понятиях, не растерявшее традиций и сильное настолько, чтобы свои основы, если над зыбками детей наших будут сидеть такие, как Она, как ее свекровь Мария Степановна, как бабушка героя «Над зыбкой». Если с нами пребудет совесть наша — Юра Репина («Пристань»), вечная мученица памяти, с ее давним горем, которого она не может и не хочет забыть.

Глубоко символичен этот образ, как и старина Закомалдина в «Когда пришли дожди», который совсем было собрался помириться, но захотелось ему дописать свою «нигиу жизни» — тетрадку с воспоминаниями. А когда писал — вспоминал все, что было, и — ожил старик, воскресенный живительными силами памяти. Память — основа жизни, основа нравственности. Живые ее носители, старики у Потанина — это не отвлеченные от времени люди. В их прошлом — опыт социальной жизни, притом чаще самой активной. Тот же Закомалдин, такой немощный в своей сегодняшней старости, когда-то «плавал на море, воевал в Маньчжурии, в первую мировую попал в плен к австрийцам, бежал, потом строил колхоз в родной деревне, в шестьдесят лет стал комбайнером, в семьдесят — плотником». За его плечами и гражданская война, после которой поставил его председателем колхоза, «а в эту войну в бригадах ходил». Нетрудно представить, какая деятельная это была в молодые годы натура, старик этот не на завалинке свой век просидел.

Мне кажется, что талант Потанина не предполагает яростного вторжения в производственный труд его героев, хотя пишет он и очерковые яркие книги, например такие, как «Слышит земля» — о труде зем-

ледельцев, его земляков, столь дорогих ему. Правильно ли будет призывать именно этого писателя внедряться в жизнь самого производства? Очевидно, природа его таланта обращает его к иным сферам жизни человека.

Примечателен в этом отношении рассказ «Легкая», героиня которого, Антонина Катайцева, совершает настоящий подвиг: она погибает во время пожара, пытаясь спасти общественное добро. Однако поступок этот описан Потаниным как-то почти вскользь. Писателя интересует то, как эта натура возмужавшая в повседневности своего неяркого внешне бытия на окружающих людей своей чистотой, душевной красотой. Ее героическая смерть — лишь одно из звеньев доказательства подлинности ее красоты. Главное тут — как люди, связанные с ней по жизни, заражаются от нее совестливостью, честностью — нравственностью. Если Юра Репина — это образ Памяти, то Антонина Катайцева — как бы образ Совести для писателя. Когда-то Толстой сказал о «скрытой» теплоте патриотизма. У Потанина много характеров, о которых можно сказать, что они торсут в себе «скрытую теплоту героизма».

Неспроста повторяет Потанин ситуацию, когда газетчик, приезжающий по заданию редакции куда-то для написания статьи, не находит материала, для нее нужного, зато встречается с чем-то для него гораздо более важным, значительным. Так случилось с героем повести «Над зыбкой» — не о здешнем производном дожде напишет он после встречи с его матерью, а об Оне. В «Тишине в пологих полях» не получается заданный очерк о пастухах и их непосредственном деле, зато состоялось раздумье о встреченных прекрасных людях, о родине, о душевном родстве, которое писатель возводит в ранг кровного. «Арбаев мне брат родной, единокровный брат!» — так чувствует русский пастух Тимофей свою душевную близость с казахом Арбаевым.

Развитое чувство ответственности перед будущим пронизывает все написанное В. Потаниным. Переустривается мир — переустраивается и человек. Высокие думы и чистые устремления он должен взять с собой в новую дорогу, в новую, открывающуюся перед ним действительность. Каким будет человек — зависит и от литературы. Виктор Потанин из тех, кто пламенно верит в огромность роли литературы в жизни людей. «Когда считают, что книга ничего не может переделать, мне хочется возразить, — говорит он. — Книга может и переделать человека, и помочь ему сохранить себя. Вот прочитает он астафьевский «Звездопад» — и заплачет, и сохранит себя».

Если попытаться заглянуть вперед, угадать дальнейшие тенденции развития творчества В. Потанина, переживающего сейчас, как мне кажется, момент осмысления своего дальнейшего пути, нетрудно представить большие сложности, стоящие перед ним. Станет ли он работать активно за пределами собственно гражданского опыта? Найдется ли в родном ему жизненном материале возможности для анализа внутреннего мира современного человека, движущегося, меняющегося? Никогда не предугадать точно следующего этапа пути большого художника. Наше право — не только ждать, но побуждать его к новой работе, напоминая об огромных обязанностях, какие всегда — перед подлинным талантом.

Ирина БОГАТКО

Книжная графика

Из иллюстраций художника В. БОРИСОВА к книге В. Потанина «Сельские монологи». Издательство «Молодая гвардия».